
ВИКТОРИЯ
ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

« Нарвская конфузия »

9 СЕНТЯБРЯ 1700 года с бастионов крепости Нарва можно было наблюдать движущиеся с северо-востока массы войск и обозов — это почти 40-тысячная армия Петра приближалась к шведской крепости на пограничной с Россией реке Нарове. Так для России началась Великая Северная война, и никто тогда не мог предположить, что она продлится более двух десятилетий (до 1721 года), что она кончится лишь тогда, когда родится, подрастет и даже повзрослеет по обе стороны Балтики новое поколение, для которого память о «злосчастной» Нарве будет преданием.

Ну а в те осенние дни вряд ли Петр мог предположить, что Нарва 1700 года будет рубежом и в его жизни, и в жизни огромной страны, повелителем которой он стал. Вместе со своими военачальниками он проводил рекогносцировку местности, намечая, где строить палисады (тыны), возводить валы, чтобы в осажденную твердыню не проскочила и мышь. Уверенно и спокойно работали люди: готовилась длительная осада этой мощной крепости — ключевого пункта обороны на стыке двух заморских провинций Шведского королевства — Ингрии и Эстляндии. Молодой царь, руководивший работами, не был новичком в этом деле, и осада Нарвы после Азова казалась ему, вероятно, привычным делом, успех которого очевиден. Для такой уверенности были все основания: Петр уже прошел, и вполне достойно, боевую школу на далеких от Нарвы южных рубежах — там, где судьбой было определено ему начать свою удивительную «карьеру».

Конечно, он ничего не знал о военном гении молодого шведского короля Карла XII, явно недооценивал могущество Шведского королевства, с которым предстояла такая долгая война. Впрочем, состояние войны станет привычным для Петра: из 52 лет его жизни Россия воевала 37 лет!

Нарва *Рисунок середины XIX в.*

В 1700 году только закончилась тянувшаяся 14 лет война с Турцией и ее вассалом — Крымским ханством. Конечно, русско-турецкая война 1686—1700 годов не была столь грандиозна, как Северная, но и на ней тоже лилась кровь, погибали тысячи людей. В определенном смысле война с Турцией и Крымом была для России вынужденной, вызванной не столько острыми внутренними проблемами, сколько общей международной ситуацией, той системой международных отношений, в которую была включена Россия.

В 70—80-х годах XVII века натиск османской Турции на земли Австрии (Империи), Речи Посполитой и России значительно усилился. Сражения русских и украинских войск с турками под Чигирином в 1677—1679 годах не дали решительного перевеса ни одной из сторон, но все же сдержали турецкую экспансию на север. Австрия и Польша находились в более опасном положении: турки стояли на южной границе Речи Посполитой — в Каменце-Подольском; столицу же Империи спас от османов только подвиг австро-польского войска Яна Собеского.

Заинтересованная в активизации антитурецких сил, Австрия добивалась примирения Речи Посполитой и России — заклятых врагов, которые, закончив в 1617 году

тяжелейший конфликт, еще дважды — в 1632 — 1634 и 1654—1666 годах — его возобновляли. Эти войны были малоуспешны для России, и все территориальные потери времен Смуты возвращены так и не были. Поэтому, соглашаясь на мировую с Речью, русская дипломатия требовала возвращения Смоленской земли и признания присоединения к России Левобережной Украины с Киевом, за что русская сторона обещала выплатить 146 тысяч рублей и начать войну с Турцией. 6 мая 1686 года на этих условиях и был подписан «вечный» мир с Польшей. Он подвел итог длительному периоду ожесточенной борьбы поляков и русских и обозначил тот краткий миг равновесия сил в русско-польских отношениях, после которого чаша России начала все сильнее и сильнее перевешивать. Но тогда этого отмеченного судьбой перелома никто не почувствовал, и естественным следствием мира с Польшей стала война с Турцией и Крымом, избежать которой Россия уже не могла.

Русские войска под командованием В. В. Голицына дважды, в 1687 и 1689 годах, совершали походы против Крымского ханства, но оба оказались неудачны и славы русскому оружию не принесли. Выжженные степи, бездарное командование, умелые действия кочевников — эти и многие другие обстоятельства сделали отступление из-под невзятых укреплений Перекопа подлинным бегством, сопровождаемым огромными потерями. Но вопреки очевидности правительство Софьи отказывалось признать неудачи в войне с Крымом. Указ 1689 года расценивал второй Крымский поход как несомненный успех войск Василия Голицына: «И, видя на себя хан крымский вас бояр и воевод, и полков ваших всяких их великих государей крепкое и мужественное и храброе наступление, пришел в страх и ужас...» В. В. Голицын получил за «победу» «кубок золоченой с кровлею (крышкой.— Е. А.), кафтан золотный на соболях, денежные придачи 300 рублей, да в вотчину Суздальского уезда — село Решму».

Однако не прошло и нескольких недель, как поход Голицына — любимца Софьи — получил совершенно другую оценку. Она была дана в указе, который исходил из окружения нового властителя России — 17-летнего Петра, отнявшего в августе 1689 года власть у Софьи: «Да он же князь Василей 197 году (1689 г.— Е. А.) послан с их великих государей ратными людьми для промыслу на крымские юрты и, пришед к Перекопу, промыслу никакова не учинил, и, постояв самое малое

время, отступил и тем своим нерадением их великих государей казне учинил великие убытки, а государству разорение, и людям великую тягость»¹.

Тем не менее новое правительство молодого царя унаследовало старые внешнеполитические проблемы. Надо сказать, что оно не спешило их решать: ситуация в Европе оставалась запутанной, Турция и Крым на какое-то время прекратили военные действия, масса внутренних более важных тогда для молодого царя дел долгое время занимала его ум, пока наконец в 1695 году, подчиняясь требованиям союзников, не было решено возобновить войну. И хотя крымское направление похода оставалось официально главным, основной удар был нанесен непосредственно по владениям Турции в Северном Причерноморье — в устье Днепра и в устье Дона.

Петр принял такое решение, конечно, в первую очередь потому, что не хотел повторять судьбу своего незадачливого предшественника — Василия Голицына. Но все же главным в замысле нового похода было стремление установить контроль над устьями Днепра и Дона, что позволяло закрепиться на побережьях Черного и Азовского морей, являвшихся внутренними турецкими морями, и одновременно контролировать течение этих рек. Именно такое направление стратегических ударов стало основным в длительных русско-турецких войнах за Северное Причерноморье в послепетровские времена. Набег же на Крым мог принести лишь временные выгоды.

Поэтому главной целью первого Азовского похода 1695 года стали турецкие крепости Кази-Керман и Арслан-Ордек в устье Днепра и крепость Азов в устье Дона. Основной удар Петр решил нанести по Азову, поскольку к нему было легче доставлять войска и припасы из контролируемых Россией верховьев Дона и Воронежа.

Осада Азова началась в июле 1695 года и продолжалась почти четыре месяца, но без успеха. Тому было много причин. Тут и слабая подготовка войск, отсутствие единоначалия, нехватка хороших инженеров, способных грамотно провести осадные и предштурмовые работы, и какая-то общая неразбериха, суета, неоправданные жертвы. Чего стоят только взрыв мин, который нанес урон не укреплениям Азова, а самим осаждавшим, и два неудачных штурма, когда активность одних штурмующих отрядов сочеталась с нерешительностью и пассивностью других, что привело к огромным потерям. Русские вой-

ска не смогли также воспрепятствовать и свободному подвозу в крепость подкреплений с моря.

В итоге пришлось дать приказ об отступлении. Началось оно поздней осенью, проходило по голой степи, стужа и голод косили людей и животных, так что вернувшееся в Россию воинство Петра мало чем отличалось от того, что пришло несколькими годами раньше с Василием Голицыным.

Период между первым и вторым походами Петра на Азов был весьма важным для будущего. Он показал, что у молодого царя, который в первом походе лишь наблюдал за бездарными действиями генералов, есть воля, ум, талант государственного деятеля, желание изменить неблагоприятную ситуацию и заставить во имя этого напряженно работать тысячи и тысячи людей.

30 ноября 1695 года, только что прибыв в Москву, Петр написал архангелогородскому воеводе Ф. М. Апраксину: «По возвращении от невзятия Азова, с консилиии господ генералов, указано мне к будущей войне делать галеи (галеры.— *Е. А.*), для чего удобно, мню, быть шхип-тимерманом (корабельным плотником.— *Е. А.*), всем от вас сюды, понеже они сие зимнее время туне будут препровождать, а здесь могут тем временем великую пользу к войне учинить...»

Не прошло и четырех месяцев, как Петр писал 23 марта 1696 года князю Федору Юрьевичу Ромодановскому: «А о здешнем возвещаю, что галеры и иныя суда, *по указу вашему* (так.— *Е. А.*), строятся, да ныне же зачали делать на прошлых неделях два галиаса»².

Эти два письма свидетельствуют: Россия начала строить военно-морской флот. За короткое время тысячи крестьян были согнаны в дремучие тогда воронежские леса и принялись валить строевой лес, затем свозить и сплавлять его по первой воде в Воронеж, где на основанной Петром верфи под руководством английских и голландских мастеров закипела работа. И далее две поразительные даты, два числа, разделенные лишь двумя месяцами: 2 апреля 1696 года, когда первая галера сошла со стапеля в воды Воронежа, и 27 мая того же года, когда Азовское море увидело русский военно-морской флаг — флот из 22 галер, сопровождаемых массой мелких судов, впервые вышел в открытое море. Все это было похоже на волшебную сказку, особенно если вспомнить время, когда это произошло. Мечта Петра о море вдруг начала сбываться.

Но затем начались будни, причем довольно суровые. Молодой русский флот, плохо укомплектованный и немобильный, столкновения с турецким явно избегал, так что попытки турок доставить припасы и людей в Азов были решительно пресечены не галерами, а главным образом казаками, на своих легких лодках захватившими несколько транспортных судов и отогнавшими крупные турецкие корабли в открытое море. В целом же осада, благодаря присутствию морских сил, пошла успешнее, чем в прошлом году. Петр удачно блокировал устье Дона: на обоих берегах были построены форты, вооруженные пушками, — своеобразный «замок» на устье, делавший невозможным беспрепятственный вход вражеских судов в Дон, к осажденному Азову.

Высадившаяся тем временем с кораблей армия под командой «генералиссима» С. Шеина вновь, как и в прошлом году, заняла траншеи и апроши (рвы, подходы), которые так и не были разрушены турками, легкомысленно полагавшими, что русский царь надолго запомнит «невозятие Азова» и забудет дорогу к его стенам.

Осада крепости проходила по старому образцу, причем минные подкопы делать боялись, как и пытаться судьбу на штурмовых лестницах. Была начата гигантская, но бессмысленная с военной точки зрения работа — возведение вокруг крепости вала такой величины, чтобы он оказался выше турецкого крепостного вала и засыпал бы ров крепости. Этот крайне архаичный для XVIII века вид осады напоминал, как писал историк Н. Устрялов, летописную осаду Херсонеса в X веке князем Владимиром³. Неизвестно, сколько бы тянулась осада, если бы не новая, более умелая расстановка орудий, прицельным огнем разрушавших турецкие укрепления, «промысел» запорожцев и донцов, захвативших вал крепости, наконец, блокада с моря. Видя все это, турки начали переговоры о сдаче, и в середине июля 1696 года русские войска вошли в Азов.

Это событие повлекло за собой два следствия: одно — дипломатическое, другое — стратегическое. Азовский успех дал России право громко требовать от своих союзников соответственных усилий в войне с Турцией. Обращаясь к одному из союзников — дожу Венеции, Петр в грамоте 7 августа 1696 года призывал: «...дабы и ваше светлейшество против того ж общего неприятеля, в нынешнее согласное и удобное время, войска свои сухим и водяным путем в их бусурманские жилища посылали, и, в надежде той же божией поспешествующей силы, с

нашим царским величеством и с протчими союзниками нашими обще воевали того неприятеля крепчайшим усердием, чтоб оный неприятель, в поврежденней уже своей будучи бусурманской силе и наипаче в таком своем изнеможении против общих наших оружий христианских, отовсюду изнурен и отягощен и в посприятие могл быть приведен»⁴.

Вряд ли призывы Петра к малоактивным тогда союзникам были чистой риторикой, желанием поднять низкий международный престиж России. Взятие Азова не было просто «поиском» — походом с возвращением, подобно Крымским походам. Одно из первых после взятия Азова писем в Москву Петр заканчивает словами: «Писано в завоеванном *нашем* граде Азове»⁵, подчеркивая тем самым, что намерен укрепиться у моря навсегда. Более того, Петр рассматривал взятие Азова и закрепление там лишь как начало реализации долговременных стратегических планов, имевших глубокую политическую и военную перспективу. Надо сказать, что для многих и в России, и за рубежом это, по-видимому, оказалось совершенно неожиданным.

Сразу же после того, как над бастионами крепости был поднят российский флаг, Петр начал реконструировать ее согласно новейшим достижениям фортификационной науки. Его указания выполняли специально приглашенные для этого иностранцы — военные инженеры. День и ночь армия-победительница восстанавливала и достраивала азовские укрепления. Примечательным было и освящение города и двух православных церквей, переделанных из мечетей. Это должно было символизировать намерение России надолго остаться в Приазовье. Сам же Петр с галерным флотом отправился вдоль морского побережья на поиски удобной гавани. Окрестности мыса Таган-Рог показались царю и его свите самыми подходящими. Здесь было задумано заложить крепость, город и гавань Таганрог — решение необычайной важности, ибо это означало, что построенные в Воронеже корабли понадобятся Петру не только для доставки войск к Азову, но и в целом для обороны Приазовья, ради чего Петр и начал создавать базу военно-морских сил на Азовском море.

Серьезность этих невиданных и грандиозных для тогдашней России планов Петр подтвердил сразу же после празднования в Москве азовской победы. 20 октября 1696 года он послал в Боярскую думу запрос: «Статьи

удобныя, которыя к взятой крепости (или фартецыи) от турок Азова». Считая необходимым срочно восстановить и заселить Азов, Петр пишет, что столь успешным событием — выходом к морю — нужно воспользоваться, «понеже время есть и фортуна сквозь нас бежит, которая никогда так к нам блиско на юг не бывала: блажен, иже иметца за власы ея. И аще потребно есть сия, то ничто же лутче мню быть, еже (как.— Е. А.) воевать морем, понеже зело блиско есть и удобно многократ паче, нежели сухим путем, о чем пространно писати остовляю многих ради чесных искуснейших лиц, иже сами свидетели есть оному».

И далее самое главное: «К сему же потребен есть флот или караван морской, в 40 или вяще судов состоящей, о чем надобно положить не испустя времени: сколько каких судов, и со много ли дворов и торгов, и где делать?» В самодержавном государстве такой «запрос» автоматически влек за собой соответствующий указ, появившийся 4 ноября 1696 года: «Государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа великия и малыя и белыя России самодержец, указал: с патриарших и со архиерейских, и с монастырских — с осми тысяч дворов сделать корабль, с помещиковых и вотчинниковых — с десяти тысяч корабль, за кем с большаго числа до ста дворов, а за кем меньши ста дворов — с тех с двора по полтине; и потому великого государя указу то дело ведал боярин Петр Васильевич Шереметев»⁶. Этот указ означал организацию «кумпанств» — компаний, в которые принудительно объединились помещики, духовенство, горожане. К весне 1698 года эти «кумпанства», заранее наняв подрядчиков, мастеров и заготовив лес, должны были спустить на воды Воронежа 56 кораблей, не считая тех десяти, которые Петр брался построить на средства царской казны⁷.

Планы Петра не выглядели утопией, ибо опыт строительства галер в 1695—1696 годах был вполне удачен, человеческие и природные же ресурсы страны представлялись неисчерпаемыми. Правда, не хватало корабельных мастеров, поэтому молодых дворян в большом количестве стали посылать на учебу за границу, а оттуда приглашать опытных кораблестроителей и моряков. Вероятно, венецианский дож, получив в июле 1696 года грамоту царя Петра, счел странной причудой сухопутного властителя следующую просьбу: «Да мы ж. великий государь, наше царское величество, желаем, чтоб ваша вельмож-

ность, для пользы той же общей христианской войны, на тех помянутых креста святого и христианских неприятелей прислали к нам, великому государю, нашему царскому величеству, тринадцать человек добрых судовых мастеров, которые б умели делать и строить всякие морские воинские суды, а мы, великий государь, наше царское величество, изволим ту вашу доброхотность иметь у себя в почитании»⁸.

Однако дело быстро приобрело серьезный размах. Кроме венецианцев на верфях Воронежа работали голландцы, шведы, англичане, датчане. Один за другим со стапелей стали сходить корабли, галеры, различные морские суда. Силами двадцати тысяч солдат в Таганроге стали возводиться крепость и гавань. 35 тысяч крестьян юга России были брошены на другую грандиозную стройку — сооружение Волго-Донского канала, значение которого (в случае, если бы его тогда построили) трудно переоценить в целях упрочения военных и экономических позиций России на юге.

В совокупности все эти меры с несомненностью свидетельствовали о серьезном намерении Петра закрепить-ся на Азовском море. В сущности, Азову и Таганрогу Петр предназначал на юге такую же роль, какую еще предстояло сыграть на севере Петербургу и Кронштадту. Дипломатическим обеспечением, гарантией Азовского плацдарма стал союзный договор России, Австрии и Венеции, заключенный 29 января 1697 года и носивший ярко выраженный антитурецкий наступательный характер. Об этом свидетельствует начало договора: «Артикул 1. Понеже особое сего союза наступательного намерение есть, дабы страны союзныя всего христианства к добру общаго неприятеля, турков и татар, войною гонили, так силою сего союза всякой из союзников обовязуется, что свои войска, силы, караваны и что сверх того, каким ни есть именем, к войне наступательной ведению, и к преломлению неприятельских сил и к разрыванию, или належати, или чинити, что возмогут со своей стороны заранее приготавлиати и теми ж сухим путем и морем на общаго неприятеля силами, сколько возможно будет, превеликими находити и воевати...»⁹.

В ряд таких же действий русского правительства, казалось бы, следует поставить и Великое посольство, которое, судя по заранее разосланным грамотам, намеревалось посетить Австрию, Бранденбург (Пруссию), Ватикан, Венецию, Голландию и Англию. Посольство,

возглавляемое Ф. Лефортом, Ф. Головиным и П. Возницыным, выехало из Москвы в марте 1697 года. В литературе нет единого мнения об истинных причинах, толкнувших Петра на организацию этой грандиозной дипломатической акции. Большинство исследователей считает, что посольство, направленное в Западную Европу формально для сколачивания широкого антитурецкого союза, на самом деле было прикрытием учебно-ознакомительной поездки на Запад русского царя, который скрывался среди сопровождающих посольство лиц под именем урядника Петра Михайлова.

В последнее время появилась еще одна точка зрения. Ее придерживается В. Е. Возгрин, объединивший факты, говорящие, по его мнению, об исходном стремлении Петра в ходе посольства изучить (под видом действий по укреплению антитурецкого союза) возможность образования антишведского наступательного союза, а также узнать, как отнесутся к возможной войне на севере морские державы — Англия и Голландия¹⁰.

Думаю, что изначальная антишведская направленность Великого посольства сильно преувеличивается Возгриным. Несомненно одно: Великое посольство было не просто прикрытием туристской любознательности царя. Оно было предпринято с целью глубокой дипломатической разведки, непосильной тогдашней русской дипломатии, малочисленной и инертной. Великое посольство должно было выявить реальный баланс сил в Европе, с тем чтобы учесть его при разработке будущей политики России.

Необходимость такого дипломатического поиска остро ощущалась в России. Петр, как показали последующие события, был деятелем активной политики имперского размаха. Он только что начал свою карьеру, сделав решительный шаг в Приазовье, выжал из ситуации, созданной еще его предшественниками, максимум того, что можно было представить по тогдашним временам. Теперь, после азовской победы, он не мог не думать о будущем, о следующем шаге.

Как известно, три главных направления доминировали в русской политике XVII, да и XVIII, века — польское, шведское и турецкое. Следующий шаг в южном (турецком) направлении означал не что иное, как большую войну со всеми сухопутными и морскими силами могущественной тогда Османской империи на берегах Азовского и Черного морей. И Петр знал, куда он в этом

случае двинет свои корабли и полки. Когда в 1698 году зашла речь об условиях мира с османами, он писал австрийскому императору Леопольду: «...всемерно надлежит, дабы при завоеванном крепость, названная Керчь, во одержание царского величества уступлена была, понеже, когда сие получится, то босурман не может как царского величества, такожде и цесарского величества, к стороне войну воздвигнути, имея близ себя неприятеля»¹¹.

Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы понять, что Керчь — следующая цель Петра; это «ключ-город» Черного моря. Однако вести большую войну с османами можно было лишь в союзе с Австрией, Венецией, Польшей, ибо судьба Северного Причерноморья могла быть решена только в столкновении крупных армий. Зондаж австрийских намерений, произведенный Великим посольством в Европе, показал, что после обострения ситуации вокруг испанского наследства договор 29 января 1697 года — просто бумажка, ибо австрийцы в это время (в 1698—1699 годах) думали лишь о сепаратном мире с Турцией. О Польше как союзнице тоже не могло идти речи: тяжелое «бескорольевье» стало уделом этой страны с 17 июня 1696 года, когда умер король Ян III Собеский.

Тут важно подчеркнуть, что «польское» направление политики никогда не снималось с повестки дня русского правительства и с началом «бескорольевья» Польша привлекала внимание Петра. Россия не намеревалась оставаться посторонним наблюдателем внутripольских дел и начала активную борьбу против выдвинутого частью шляхты кандидата в короли Ф.-Л. де Конде — ставленника Версаля. В грамоте Петра временно исполнявшему функции верховного властителя Польши кардиналу-примасу Радзиевскому от 31 мая 1697 года содержалась неприкрытая угроза «повредить вечный мир» в случае прихода к власти представителя союзной туркам Франции. Далее следовала довольно жесткая рекомендация, кого следует, а кого не следует выбирать в короли полякам: «Того ради, мы, великий государь, наше царское величество, имея ко государем вашим, королем полским постоянную дружбу, также и к вам, паном раде и Речи Посполитой, такого короля со французеской и с турецкой стороны быти не желаем, а желаем быти у вас на престоле королевства Полскаго и великаго княжества Литовского королем... какова народу ни есть, толко б не с противной стороны»¹².

Так было впервые нарушено зыбкое равновесие «вечного мира», и впоследствии язык ультиматумов стал весьма распространенным в отношениях России со своим ближайшим соседом.

Тогда же в подкрепление слов были предприняты действия, ставшие впоследствии также вполне традиционными: осенью 1697 года по указу Петра 60-тысячный корпус М. Ромодановского перешел польскую границу и сыграл свою решающую роль при избрании на польский престол желательного России кандидата — саксонского курфюрста Фридриха-Августа I, ставшего Августом II Сильным, королем польским. Впоследствии Петр в послании английской королеве Анне писал об этом эпизоде: «Сия армия отдана была в его [Августа] команду как скоро он туда прибыл, дабы привести его в состояние наказать своих неприятелей; сверх того *противной ему стороне угрожали мы огнем и мечом*, что устранив многих из оной, принудило признать его своим государем и таким образом вспоможением нашим утвердился он на престоле»¹³. Думается, что ставка на саксонского кандидата была следствием не каких-то особых симпатий Петра к Саксонии, а лишь нежеланием видеть на престоле Польши ставленника Франции, что привело бы к усилению в сопредельных России землях влияния Людовика XIV — противника опасного и могущественного.

Нельзя забывать, что распоряжения о концентрации войск на границе с Польшей и вмешательстве в польские дела отдавались Петром тогда, когда он, изменив план движения посольства, отправился в Пруссию на переговоры с курфюрстом Фридрихом III. Между этими фактами — вмешательством в польские дела и поездкой в Пруссию, — несомненно, существовала связь, ибо Пруссия, жаждавшая усиления за счет своих соседей (Польши и Швеции), видела в России своего потенциального союзника — стоит только вспомнить всю историю русско-пруссских отношений в XVII—XVIII веках. Еще во второй половине XVII века Пруссия пыталась подтолкнуть Россию на выступления против Польши, а также не раз предлагала напасть на прибалтийские провинции Швеции, с тем чтобы вернуть Ингрию и Карелию. Ситуация не изменилась и к моменту «бескоролевья» в Польше. Известно, что во время обсуждения Фридрихом и Петром прусско-русского договора фигурировал пункт о совместных действиях против некоей третьей стороны, под которой явно подразумевалась Польша (в случае победы в ней сторонников Конде).

Однако итоги выборов в Польше осенью 1697 года были весьма благоприятны для России, и после победы саксонской «партии» об антипольском варианте внешней политики России не могло идти и речи. Возможно, что именно после победы Августа, ставленника России, и выплыл на поверхность последний альтернативный вариант внешней политики России — антишведский, как наиболее перспективный для интересов страны в тот момент и казавшийся наиболее благоприятным для осуществления.

Дело в том, что международная обстановка в Европе к концу XVII века становилась все напряженнее. В Лондоне, Париже, Вене и других столицах ждали сведений из Мадрида о состоянии здоровья испанского короля Карла II, не имевшего наследников. Призрак войны «за испанское наследство» витал над Европой.

Петр, только оказавшись за границей, по-настоящему оценил значение назревающего конфликта по поводу испанского наследства и потому стал внимательно следить за развитием ситуации. В письме А. А. Винусу из Англии от 29 марта 1698 года он писал, показывая свое глубокое понимание обстановки и способность ориентироваться в международной политике: «Здесь вестей никаких иных нет, только пророчество мое близ збытия (что я писал о миру), потому что король Французской готовит паки флот в Бресте подлинно; а куды, ниhto не знает. К тому ж вчера получили из Вены ведомость через грамотки, что король Гишпанский умре, о чем подлинного ожидаем вскоре поттверждения (оно не было получено: Карл умер лишь в октябре 1700 г.— Е. А.), а о болезни ево подлинная ведомость была, что на последние жития своего. А что по его смерти (если то правда) будет, о том ваша милось сам знаешь»¹⁴.

В этих условиях и могли возникнуть вполне реальные надежды Петра на то, что спешно вооружавшиеся тогда противники — Англия и Франция со своими союзниками — не смогут вмешаться в конфликт на Балтике или, проще говоря, помочь Швеции, на которую с давних времен великие державы смотрели как на свою северную союзницу.

Возможно, именно складывавшиеся благоприятные обстоятельства выступления против Швеции и обсуждались во время свидания царя в Раве-Русской с Августом II, когда Петр, возвращаясь из Вены летом 1698 года, остановился в Польше. Он сразу же нашел общий язык с обязанным ему престолом Августом II, ибо тот,

чувствуя зыбкость своих позиций в Польше, стремился укрепить их с помощью победоносной войны со Швецией в союзе с русским царем и другими противниками Швеции. А таких было достаточно.

Чтобы понять это, нужно сделать небольшой экскурс в историю XVI—XVII веков. Неприятель, против которого вознамерились обнажить свои мечи Петр и Август, был в то время истинным властелином Севера. С середины XVI века почти столетие Швеция вела длительные войны со всеми соседями: Россией, Речью Посполитой, Данией и Бранденбургом (Пруссией). Эти войны заканчивались с почти неизменным успехом шведов и привели к постепенному распространению шведских владений вдоль берегов Балтийского моря, сделав его, в сущности, внутренним шведским морем. Позже под власть шведов попали и значительные пространства побережья Северного моря. Начало образования Шведской империи было положено во времена короля Эрика XIV, захватившего в 1561 году Ревель и северную Эстонию. Тявзинский мирный договор с Россией 1595 года закрепил за шведами Ливонию и обеспечил беспрепятственную шведскую колонизацию Финляндии.

Выгодно используя затяжной русско-польский конфликт начала XVII века, Швеция, ведомая выдающимся королем-полководцем Густавом III Адольфом, сумела в 1610—1620-х годах отнять у России ее прибалтийские территории (Карельский уезд, Ингрию — ижорские и новгородские земли), а затем у Речи Посполитой — Ригу и Лифляндию, что было закреплено Столбовским миром 1617 года с Россией и Альтмаркским перемирием 1629 года с Речью Посполитой.

Вестфальский мир 1648 года — итог Тридцатилетней войны — был подлинным триумфом Швеции: к ней отошли северогерманские территории Западной и Восточной Померании. Последняя волна шведской экспансии в ходе войн с Данией (1640—1650 гг.) и в Северной войне с Польшей и Россией 1655—1660 годов принесла Стокгольму не менее богатую добычу: юг Скандинавского полуострова (Сконе), Восточную Норвегию, а также общее упрочение шведского владычества на южном побережье Балтики.

Целым рядом мирных договоров 1658—1661 годов было признано бесспорное первенство Швеции в Прибалтике и Северной Европе вообще. Во второй половине XVII века империя шведов оформилась окончательно, достигнув зенита своего могущества. Поэтому неудиви-

тельно, что накануне Северной войны 1700—1721 годов не было в Европе более миролюбивого государства, чем Швеция, постоянно ратовавшая за сохранение мира, который гарантировал ей неотторжимость владений, протянувшихся от Северного почти до Баренцева моря. Иного мнения были ее соседи.

Дания, один из этих соседей, охотно пошла с весны 1697 года на сближение с Россией, ибо имела серьезные претензии к Швеции, соперничество с которой не затихало полтора столетия. Особенно отчетливо противоречия сторон проявились в голштинском вопросе. Пограничное с Данией северогерманское герцогство Голштейн-Готторп (Голштиния) к концу XVII века полностью подпало под власть шведов, чувствовавших себя на его территории как у себя дома и тем самым угрожавших южным границам Дании. Угроза эта усилилась в конце 1690-х годов, когда Швеция ввела в герцогство войска.

Цели России в начавшихся переговорах с Саксонией и Данией были сформулированы вполне определенно: вернуть отнятые шведами, согласно Столбовскому миру 1617 года, ижорские и карельские земли и получить, как писалось тогда, «твердое основание на Балтийском море».

Черновики проектов союзных соглашений, как правило, более откровенны, чем подписанные чистовики, ставшие государственными актами вечного хранения.

Вот как выглядит преамбула союзного русско-саксонского договора, подписанного 11 ноября 1699 года: «Понеже мы при самом персональном разговоре с наяснейшим и великоможнейшим Августом Вторым, божиею милостию королем Польским, намеряли иметь войну обще против короны Свейской за *многия их неправды*, обеим государствам нашим учиненная, и, того ради, постановя и договоря от общего совету, той назначенной войне силою и действием сих последующих статей при помощи Божией быти соизволяем».

А вот черновик этой преамбулы: «Понеже его царское величество при персональном разговоре с его королевским величеством Полским, объявил коим образом он желает те земли паки возвратить, которые корона свейская при начале сего столетняго времени (XVII века.— Е. А.) при случае тогда на Москве учинившегося внутреннего несогласия, из-под царской области и повелительства отвлекла, и после того времени чрез *вредительные договоры* за собою содержать трудилась, и к тому на-

мерению е. ц. в. королевского величества Полского союзу и вспоможения желал»¹⁵.

Как мы видим из сопоставления документов, окончательный текст договора словами «многия их неправды» затушевывает данную в черновике оценку всех русско-шведских соглашений XVII века как несправедливых и вынужденных, «вредительных» для России, ибо такое признание могло дезавуировать и другие действовавшие в это время международные соглашения России с иными странами.

В ходе переговоров 1698—1700 годов не удалось создать сплошной фронт противников Швеции. Пруссия, зависящая от общеевропейской ситуации, не чувствуя за собой достаточной силы, в союз не вступила и ожидала развития событий как сторонний наблюдатель. Речь Посполитая же, верная своим политическим принципам, не поддержала своего короля, не достигнув к тому же необходимого для войны внутреннего единства, нарушенного тяжелым «бескорольем».

Переговоры сторон велись, имея в виду дальнюю цель — раздел Шведской империи. Еще задолго до того, как был повергнут шведский лев, делилась его шкура.

Инициатором таких проектов стал И. Р. фон Паткуль — влиятельный лифляндский дворянин, ярый противник шведского владычества в Восточной Прибалтике, грозившего дворянскому землевладению Лифляндии редукцией (конфискацией) земель, уже осуществленной в собственно Швеции. Приговоренный шведами к смертной казни, Паткуль бежал и, став неофициальным советником Августа II, подал королю в конце 1698 года несколько проектов, учитывающих возможное развитие военных действий против Швеции и условия раздела ее владений. Нельзя не заметить в этих проектах столь характерного для расчетов Паткуля цинизма, интриганства и явного антирусского оттенка:

«В переговорах с царем надобно постоянно твердить, что предначертанный союз есть следствие сделанного им самим предложения о войне с Швециею, что после свидания с ним его королевское величество, основательно обдумав дело, приготовил необходимые для успеха средства и теперь согласен содействовать справедливому требованию его от Швеции удовлетворения, с тем чтобы вести войну не иначе как при пособии с его стороны.

Это послужит к тому, что в трактат внесено будет обязательство царя помогать его королевскому величе-

ству деньгами и войском, в особенности пехотою, очень способною работать в траншеях и гибнуть под выстрелами неприятеля, чем сберегутся войска его королевского величества, которые можно будет употреблять только для прикрытия апрошей. Кроме того, трактатом необходимо в известных случаях крепко связать руки этому могущественному союзнику, чтобы он не съел пред нашими глазами обжаренного нами куска, то есть чтобы не овладел Лифляндиею. Надобно определить в трактате положительно, что должно ему принадлежать; для сего представить ему всю нелепость доводов, которыми предки его доказывали свое право на Лифляндию и объяснить историю и географию, на какие земли могли они простираť справедливые притязания, то есть *не далее Ингерманландии и Карелии*.

Посему в случае непреклонного намерения царя овладеть Нарвою, тот, кто назначен будет вести с ним переговоры, должен в трактат включить статью в таком смысле, чтобы впоследствии, когда возникнет спор, кому она должна принадлежать, Англия и Голландия для пользы торговли, Дания и Бранденбург также по уважительным причинам могли общим судом объявить ее принадлежностью Лифляндии. Если же царь удержит Нарву за собою и таким образом приобретет в Лифляндии крепкий пункт, то, переступив естественный рубеж, реку (Нарову. — Е. А.), соединяющую Пейпус (Чудское озеро. — Е. А.) с Балтийским морем, он легко овладеет Ревелем, потом всею Эстляндиею, наконец, со временем, и Лифляндиею»¹⁶.

Как видим, в будущей войне России отводилась незавидная роль поставщика пушечного мяса, а Петру — своеобразного могучего медведя с железным кольцом в носу, пляшущего под дудку поводыря. Как потом показала жизнь, Паткуль и многие другие не очень четко представляли себе, с кем они имеют дело. Забегая вперед, отметим, что то, чего так боялся Паткуль, полностью осуществилось — Россия заняла и Эстляндию, и Лифляндию.

Договор России и Саксонии, подписанный в Преображенском 11 ноября 1699 года, был вторым соглашением, легшим в основу Северного союза; первым было Дрезденское соглашение Саксонии с Данией от 14 сентября того же года. Дорога к войне была открыта. Символично, что много лет спустя, празднуя в Москве заключение Ништадтского мира 1721 года, Петр собственноручно под-

жег Преображенский дворец, в котором прошло его детство, но из которого в 1699 году вырвался невидимый огонь войны.

Договор предусматривал особо, что Россия вступит в войну сразу же по заключении мира с Османской империей,— Петр не желал рисковать, ведя боевые действия на два фронта: «...обещаем мы, великий государь, наше царское величество, по своему высокому слову или обещанию, к своему посланному в Константинополь послу скорой указ послать, дабы коим образом то учинится ни может, хотя б в тех местах нашему царскому величеству то и с убытком учинить было, о том трудиться, дабы нашему царскому величеству с Портою Оттоманскою еще до окончания году, или по последней мере до будущего апреля месяца, либо постоянной мир или довольно продолженное перемирие получить возможно, в котором случае мы, великий государь, наше царское величество, обнадеживаем к будущему воинскому походу с Шведом також мир разорвать и особливо свое действо воинское в провинциях Ижерской и Корельской всею силою вестъ так, чтоб всякая страна свое дело на своем месте справедливо чинила и никто из обоих нас прежде никаких мирных предложений слушать и принимать не хочет, разве что и другая страна на то позволит».

Со своей стороны Август обещал занять Лифляндию и Эстляндию исключительно как бы в помощь Петру: «А дабы особливо нашему царскому величеству от лифляндского и эстляндского свейскаго войска не быть обеспокоену, и того ради обещает его королевское величество тамо такое сильное отвращение чинить, что наше царское величество с той страны не токмо едино безопасны будем, но и тако, что во время нужды его королевского величества с нашим царским величеством и соединится возможен»¹⁷.

На самом же деле Август вынашивал далеко идущие (и секретные от России) планы в отношении Лифляндии. Формально Лифляндия должна была отойти к Речи Посполитой на правах лена с сохранением своего внутреннего дворянского управления и с правом держать вооруженные силы. Соглашение между Августом и Паткулем — представителем немецкого лифляндского рыцарства, заключенное в августе 1699 года, было предъявлено кардиналу-примасу Речи Посполитой, с тем чтобы подвигнуть Речь Посполитую на выступление против шведов вместе с саксонцами — подданными своего короля. Одна-

ко священный глава Речи Посполитой не ведал о самом главном — секретные пункты договора 1699 года предусматривали, что лифляндцы признают над собой верховную власть Августа и его потомков независимо от того, будут они польскими королями или нет. Иначе говоря, Август получал Лифляндию в наследное владение, делавшее его независимым от Польши¹⁸.

Следует отметить, что в описываемое время шведское правительство только что вступившего в 1697 году на престол 15-летнего Карла XII было обеспокоено слухами о сколачивании антишведской коалиции и стремилось всеми силами предотвратить войну с Россией. Вообще, в отношении России Швеция во второй половине XVII века вела политику, сочетавшую непреклонную жесткость в вопросе об изменении границ и необыкновенную мягкость и терпимость во всем остальном. Известно, что после Столбовского мира 1617 года не раз русская сторона поднимала вопрос об изменении границ, но каждый раз ответ шведов был отрицателен. Вот как, по описанию Н. Бантыша-Каменского, протекали переговоры на пограничной реке Меузе в 1676 году: «...но за спорами ничего не решено. Тщетно российские предлагали, дабы во удовольствие за многочисленные от шведов нестерпимые досады и безчестья, и за умалением чести государевой в ошибках титулов его возвращены были корельские и ижерские города, шведские послы решительно сказали, что ниже одной деревни не поступят, хотя бы и до войны дело дошло и в том-де воля божия. Вскоре они потом тайно с съезду уехали...»¹⁹.

На самом же деле шведы, имея многочисленные внешнеполитические проблемы в Германии и на датских границах, стремились по возможности не доводить конфликт с Россией до войны. Именно поэтому, когда в начале 1697 года русское правительство обратилось к шведам с просьбой продать для Азовского флота шестьсот орудий, шведский король, заботясь, чтобы конфликт России с Турцией не затухал как можно дольше, «по соседственной своей к России дружбе» подарил Петру триста железных орудий. Вступив на престол, Карл XII сразу же выслал посольство в Москву с обещанием «все договоры с Россиею свято хранить». Петр, со своей стороны, особенно после Равы-Русской, стремился также показать свое — в данном случае фальшивое — миролюбие. Петровские дипломаты, ведя переговоры со шведами, приложили максимум усилий, чтобы освободить своего

государя от клятвы в верности прежним договорам со Швецией²⁰. Это делалось для того, чтобы с началом войны не было оснований обвинить Петра в клятвопреступлении. Это было тем более необходимо, что в момент русско-шведских переговоров Петр уже заключил в Преображенском с представителем Августа соглашение о войне против Швеции.

Но шведы были все же встревожены. Чтобы успокоить и отвлечь их, Петр направил в Стокгольм посольство князя Я. Хилкова, который был 19 августа 1700 года принят королем в лагере под Ландскроной. Он вручил Карлу грамоту Петра с дежурными заверениями в дружбе. Судьбе было угодно, чтобы в тот же день — 19 августа — и, возможно, в тот же час в Москве было официально объявлено о разрыве со Швецией и начале войны.

Собственно, война Северного союза со Швецией уже началась: 2 февраля 1700 года саксонские войска Августа II без объявления войны вторглись в Лифляндию и попытались сразу же захватить Ригу. Через месяц датский король Фредерик IV вторгся в Голштейн-Готторпское герцогство, воспользовавшись тем, что шведы вопреки договорам ввели туда войска.

И в том и в другом случае военные действия союзников оказались неудачными. Август не сумел овладеть Ригой, и ему пришлось начать правильную осаду ее крепостных сооружений. Датчане также надолго засели под стенами голштинской крепости Ренебург. И вот тогда лев под тремя коронами проснулся: шведская эскадра летом 1700 года бомбардировала Копенгаген, а затем Карл 14 июля высадился на датском берегу и окружил датскую столицу.

Датчане запросили мира. Недалеко от Любека, в замке Травендаль, начались и быстро закончились мирные переговоры: Дания вышла из войны, отделившись лишь легким испугом и даже не потеряв основы своего могущества — флота. Столь мягкими условиями мира с противником, ранее не знавшим к датчанам пощады, Фредерик был обязан морским державам, заинтересованным в мире на севере, — Англии и Голландии, которые вскоре наняли за 4 миллиона талеров 18-тысячную датскую армию, и она отправилась на поля сражений войны «за испанское наследство»*.

* Впрочем, справедливости ради отметим, что сдавать армию в аренду было принято в Европе, и в 1702 году Петр в духе своего времени предлагал голландцам нанять контингент русских войск и 4 тысячи матросов для войны с Францией²¹.

Выведя Данию из войны, Карл решил так же быстро расправиться и с другими участниками Северного союза.

События поздней осени 1700 года разворачивались по тем временам стремительно. Август, узнав о Травендале, опасался, что шведский король двинется прямо в Дрезден, в столицу Саксонии, и поступит с ним гораздо хуже, чем с Фредериком. Поэтому накануне высадки шведов в Лифляндии саксонцы сняли осаду с Риги, которая до этого шла крайне неудачно, ибо захватить с ходу крепость не удалось, а к длительной осаде и штурмам армия Августа оказалась неподготовленной. В итоге при появлении шведов саксонцы отступили.

В ноябре Карл высадился в Перноу (Пярну) и форсированным маршем двинулся к Нарве, 18 ноября он был уже на подходе к осадному лагерю русских. 19 ноября, воспользовавшись пассивностью сидящих в палисаде русских войск и плохой погодой, он успешно атаковал вчетверо превосходящую армию противника. На следующий день русская армия капитулировала и, сложив знамена и оружие, отошла на правый берег Наровы. Врагу досталась вся артиллерия, были взяты в плен почти все русские генералы.

В том поражении, которое потерпели союзники, была известная закономерность. С самого начала они заняли пассивную, выжидательную позицию в развязанной ими войне, сидя под стенами осажденных ими крепостей. Инициатива оказалась в руках Карла XII, чьи военно-стратегические способности были явно недооценены противником. К тому же у союзников не было планов совместных действий на случай попыток шведов деблокировать осажденные крепости. Наконец, пассивность, столь несвойственная Петру, объяснялась той подчиненной ролью, которая была предназначена ему в союзе с Августом: в неудобное для себя время он отправился не в Ингрию, непосредственно примыкавшую к русским владениям, а к Нарве, чтобы выполнить второстепенную задачу по отвлечению шведских сил от Риги. Это не позволяло ему действовать самостоятельно и активно в собственных интересах.

Впрочем, русская армия под Нарвой не была готова к тем действиям, которые от нее следовало ожидать. Это стало очевидно ночью 19 ноября 1700 года и было следствием не только ошибочной стратегии и тактики, но и пороков всей государственной системы, частью которой была армия.